

ЯЗЫГИ НА ДУНАЙСКОМ ЛИМЕСЕ РИМА В I-II ВВ. Н.Э.

Н.Н. Лысенко

История кочевых племен, населявших в I-II вв. н.э. западную часть степного пояса Евразии, чрезвычайно интересна с этнологической точки зрения и важна по своим геополитическим последствиям. С началом сарматской эпохи воздействие степных кочевых этносов на социополитический мир причерноморского эллинизма и население закавказских государств приобретает очень осязаемый и качественно иной, нежели в скифскую эпоху, характер. Влияние иранских кочевников на развитие геополитического процесса у восточных границ греко-латинского мира начинает усиливаться уже со второй половины II в. до н.э. Внешнеполитическим катализатором, вызвавшим их активность, стала деятельность Митридата VI Евпатора, царя Понтийской державы (132-63 гг. до н.э.).

По отцовской линии Митридат VI вел происхождение от Ахеменидов, был воспитан в духе традиций эллинистической культуры. Несмотря на сопротивление проримской партии Понта, в 113 г. до н.э. Митридат сумел вступить на престол. Формируя внешнеполитический курс страны, Митридат VI опирался на идею Александра Македонского об эллино-варварском симбиозе и, соответственно, стремился к ограничению влияния Рима в Восточном Средиземноморье (Дзиговский, 2003. С.65). Неизбежным результатом такой внешнеполитической линии стало жесткое столкновение с интересами Рима, прежде всего в Малой Азии (при завоевании Евпатором Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии). Митридат VI вел с Римом три войны (89-84, 83-81, 74-64 гг. до н.э.), получившие общее название Митридатовых войн. В ходе I-й войны понтийцам удалось захватить римскую провинцию Азия, оккупировать Грецию и разграбить Афины. Однако финал войны понтийский царь поиграл, будучи наголову разбит Суллой в битве при Херонее. Вторая Митридатова война стала неудачной попыткой пересмотреть итоги первой, а III-я была фактически инспирирована Римом. В ней Митридат Евпатор потерпел окончательное поражение, попытался найти убежище у своего сына Фарнака, но был предан им и, окруженный мятежниками, приказал рабу умертвить себя.

В ходе подготовки к войне с Римом Митридат VI пытался опереться на возросшую военную мощь сарматов, равно как и на военные силы других варварских племен греко-латинской периферии. Аппиан свидетельствует: *«У него есть друзья, готовые исполнять все его приказания: Скифы, Тавры, Бастарны, Фракийцы, Сарматы и все племена, живущие от Танаида до Истра и вокруг Меотийского озера...»* [Appian. Vol. II. XII. 15. 120].

Участие иранских кочевников в Митридатовых войнах детально изучено в недавних обобщающих трудах А.А. Туаллагова (2001) и А.Н. Дзиговского (2003). Это обстоятельство позволяет мне не затрагивать в настоящей статье сарматскую проблематику периода Митридатовых войн, тем более, что сарматы этого периода никак этнически не определены в

античных источниках. Источники сообщают лишь о «сарматах» как таковых, нигде не подразделяя их на отдельные политически субъектные племена. Указанный фактор создает труднопреодолимое препятствие для этнической идентификации конкретных сарматских и вообще кочевнических племен, принимавших участие в военной эпопее Митридата Евпатора. Возможно именно поэтому историко-этнологические заключения об этнической принадлежности сарматских союзников мятежного царя Понта практически отсутствуют, невзирая на открытые археологические артефакты, свидетельствующие об их участии в военных кампаниях этого периода. Попытки соотнести некоторые погребения II-I вв. до н.э. близ Неаполя Скифского с роксоланами вряд ли можно считать удачными, поскольку даже археологические трактовки их этнической принадлежности противоречивы (Раевский, 1971. С.148-150; Пуздровский, 1991. С.100; Симоненко, 1993. С.115-116).

Практически единственное более-менее ясное этническое отождествление сарматов периода Митридатовых войн находим у Аппиана, отметившего, что когда Митридат Евпатор *«перешел в Европу [то присоединились] из сарматов так называемые царские языги»* [Appian. Vol. II. XII. 69]. Этот факт свидетельствует, как мне кажется, о том, что уже в начале I в. до н.э. племя языгов выделялось своим военным потенциалом среди других племен кочевников восточных рубежей греко-латинского мира. Во-вторых, это очевидное указание на географическую локализацию языгов – территория Европейской Сарматии, т.е. степи, находящиеся к западу от реки Дон.

Аргументы археологического и нарративного плана о прямой этногенетической связи языгов с савроматским племенем язаматов (яksamатов – иksamатов) собраны в монографии В.Е. Максименко. Исследователь убежден, что этноним «языги» является завершающей формой в ряду «иксоматы – яksamаты – язаматы», поскольку такую трансформацию этнонима допускает античная традиция. Однако, если язаматов-иксоматов античные авторы помещают на левобережье Дона, то языгов – только в европейской части Сарматии. Это обстоятельство свидетельствует, возможно, о произошедшей на территории Подонья этнической ассимиляции язаматов в племенной среде более мощного кочевого объединения, пришедшего из Азиатской Сарматии или более восточных областей (Максименко, 1998. С.74 сл.).

Существуют, впрочем, античные источники, позволяющие усомниться в правомерности отождествления предков языгов с язаматами. Знаменитая Тиргатао, героиня рассказа Полиена, происходила из племени иksamатов, которые названы источником меотами [VIII, 55]. Это указание находит косвенное подтверждение у Псевдо-Скимна: *«За ними (сарматами), по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами (Μαιωτων γευος Ἰαξαματων), а по Эфору оно называется племенем савроматов»* [874-885]. Таким образом, вопросы об этнической

принадлежности язаматов, равно как и о степени соотносимости с ними языгов-сарматов, исходя из имеющейся источниковой базы, все еще неясны.

Античная традиция несомненно выделяла особенную – сарматскую – этническую сущность языгов, которая отличала их от более поздних восточноиранских кочевников. При этом уже со времени составления карты мира Марка Випсания Агриппы (I в. до н.э.) этнонимы «савроматы» и «сарматы», по-видимому, употреблялись как синонимы. Плиний (середина I в. н.э.), широко пользовавшийся картографическими материалами М. Агриппы, свидетельствует: *«Отсюда [речь о Дунае – Н.Л.], в целом, все племена – скифские, но прибрежные местности заняли разные племена: то геты, у римлян называемые даками; то сарматы, или по-гречески савроматы, и из их числа гамаксобии или аорсы, то выродившиеся и произошедшие от рабов скифы, или троглодиты, затем – аланы и роксоланы. Выше, между Дануviем и Герцинским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок Карнунта и границы германцев, поля и равнины занимают языги-сарматы, а даки, изгнанные ими – горы и леса до реки Патисс»*[Plin. Nat. 4,80].

Чуть позднее, на рубеже I-II вв. н.э., Тацит пишет о том, что *«...вождям сарматских языгов, правившим здешними племенами, предоставили возможность участвовать в войне [в гражданской войне Рима после гибели Нерона – Н.Л.]. Они предложили также привести с собой людей и конницу, которая одна лишь и составляет подлинную боевую силу сарматов. Эта услуга, однако, не была принята из опасения, что они воспользуются гражданской войной в своих целях, а может быть, и переметнутся к тем, кто больше заплатит»* [Tac. Hist. III. 5]. В «Анналах» Тацит также упоминает *«конницу из сарматского племени языгов»* [Tac. Ann. XII. 29,30].

Стоит заметить, что языги начинают проникать в низовья Дуная гораздо ранее времени Плиния и Тацита. По-видимому, именно с ними нужно соотносить сообщение Флора о сарматах, датируемое 10-12 гг. н.э.: *«Сарматы разъезжают верхом по широко раскинутому равнинам. И их достаточно было отогнать от Данувию через того же Лентула»* (Цит. по: Златковская, 1951. С.43). Исходя из географического описания Страбона [Strab. VII. 3,17], а также сообщений поэта Овидия Назона [Ovid. Trist. V. 7.55, V. 12.58, III. 10.33; Ep. III. 2.40] уже в первом десятилетии нашей эры языги вплотную подошли к низовьям Дуная. Овидий, сосланный императором Августом в Томи (совр. Констанца), был свидетелем переправы языгов по льду замерзшего Дуная: *«Ты, Весталий, ... сам видишь как Понт сковывается льдом; сам видишь вина, отвердевшие от сурового мороза; сам видишь, как свирепый пастух-языг ведет нагруженную повозку по водам Истра...»* Трудно сомневаться в том, что все сообщения Овидия о сарматах свидетельствуют именно о языгах (Sulimirsky, 1970. P.134; Подосинов, 1984. С.132-133). Вообще кажется, что как раз с рубежа нашей эры устанавливается эта, лишь изредка нарушаемая античная традиция, –

соотносить этноним «сарматы» в первую очередь и главным образом с языгами.

Сарматское присутствие на Нижнем Дунае в конце I в. до н.э. – первой четверти I в. н.э. археологически подтверждает незначительная по количеству группа сарматских древностей, датируемая в пределах рубежа эр – первой половины I в. н.э. и расположенная с севера на юг от Верхнего до Нижнего Поднепровья (Островец-Вертеба, п.2; Ленковцы, п.2, к.3 Скаены-Безены; Старые Дубоссары, п.9, к.1). Этническая интерпретация упомянутых сарматских погребений не вызывает разномыслия, все исследователи связывают их с языгами (Смішко, 1962. С.69; Гросу, 1990. С.38-42; Дзиговский, 2003. С.82).

В «Historia Augusta», источнике, хорошо осведомленном во всей сармато-аланской племенной номенклатуре, под «сарматами» во всех случаях нужно понимать именно языгов, поскольку последний этноним и термин «сарматы» никогда не употребляются здесь в разных смысловых аспектах. Например, Адриан (117-138 гг. н.э.) «... *услыхав о беспорядках, произведенных сарматами и роксоланами, устремился в Мезию, послав вперед войска*» [SHA: Hadr. VI. 6-8]. При Марке Аврелии (161-180гг.): «*Все племена от пределов Иллирика до Галлии объединились; это были маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свевы, сарматы, лакринги и буреи ... эти и другие вместе с виктуалами, созибы, сикоботы, роксоланы, бастарны, аланы, певкины, костобоки*» [SHA: Marc. XXII. 1-2]. Нет никаких сомнений в том, что под «сарматами» в этом жизнеописании Юлий Капитолин понимает именно языгов. Любопытно, что в упомянутых событиях второй половины II в. н.э. квады, свевы и сарматы поименованы через запятую, почти в той же последовательности перечисляются эти племена и спустя почти 200 лет. Аммиан Марцеллин, рассказывая о событиях 356-357 гг., пишет: «... *Его [императора Юлиана – Н.Л.] тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рецию, квады на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию*» [Amm.Marc. XVI. 10,20]. Таким образом, и в середине IV в. на дунайском лимесе Паннонии существует координация военных усилий между свевами, квадами и сарматами-языгами, причем два последних племени были соседями, «*близкими по своим обычаям и вооружению*» [Amm. Marc. XVI. 10,20; Eutrop. IX. 8,2; Oros. VII. 22,7].

Первое упоминание о вторжении сарматов в придунайские провинции Рима относится ко времени императора Тиберия (14-37 гг. н.э.), когда в провинцию Мезия вторглись даки и сарматы [Suet. Tib. 41]. По мнению некоторых специалистов, поселение сарматов-языгов на Дунае произошло с разрешения римского правительства, чтобы обезопасить территорию Римской империи от вторжения даков (Alföldi, 1939-1940. S.80; Мочи, 1954. S. 124; Fitz, 1963-1964. S.79-80). Названные Птолемеем «переселенцами» [Ptol. Geogr. II. 5,1] языги-метанасты открыли путь миграции на восточные рубежи Империи другим сармато-аланским племенам Северного

Причерноморья, в частности роксоланам. На севере их этнический ареал ограничивался предгорьями Карпат. На западе области языгов примыкали к Германии. На юге они занимали среднее течение Дуная, вплоть до устья р. Тибиск в Дакии (ныне р. Тимиш). В этом районе Птолемей расположил города (πόλεις) языгов-метанастов: Успен, Борман, Абикта, Трисс, Парка, Кандан, Пессий, Партиска. Местоположение этих пунктов, за исключением Партиска (совр. Сагед на Тисе), не установлено.

Вряд ли названные Птолемеем города действительно были населены языгами. Языги, будучи кочевым племенем, жили становищами в местах кочевий. Эти города попали в поле зрения Птолемея потому, что они были торговыми центрами других племен за Дунаем и оказались на территории, контролируемой сарматами-языгами (Колосовская, 2000.С.177). Исторически случайное расселение языгов среди земледельческих племен, у которых было развито градостроительство, не исключает, а скорее предполагает установление военно-политического протектората кочевников над земледельцами. Города могли построить и жить в них скорее всего не языги, но эти города признавали над собой политический протекторат сарматов, а следовательно, по мироощущению древних, принадлежали именно языгам. Это состояние политико-экономической зависимости некоторых торговых городов Подунавья от языгов и зафиксировал для II в. н.э. Клавдий Птолемей.

Подобная зависимость торгово-ремесленных центров Подунавья от кочевников-языгов сохранялась и позднее. Иордан пишет о походе второй половины V в. н.э. конунга остроготов Теодериха *«на Бабая, короля сарматов, который только что одержал победу над Камундом, римским полководцем, и правил с напыщенной гордостью»* [Iord. Get. 282]. В результате своей победы над византийцами Бабай установил политический контроль над Сингидуном (совр. Белград), расположенном при впадении Савы в Дунай. Сингидун был, наряду с Сирмием, важнейшим форпостом Византии против набегов придунайских племен (языгов, гепидов, а затем и славян). Около Сингидуна обычно совершалась переправа через Дунай и находилась пристань сторожевых судов. Контроль языгов над этим форпостом вызвал тревогу и у византийцев, и у остроготов. Как предполагает Е.Ч. Скржинская, вождь остроготов Теодерих перед походом на Сингидун обещал вернуть город Византии, но не выполнил своего обещания, так как намеревался усилить мощь своего племени (Скржинская, 1997. С.352. Прим. 708). Неожиданность нападения остроготов принесла свои плоды: вначале была разгромлена ставка Бабая, а сам он убит. Только затем Теодерих *«напал на город Сингидун, который занимали эти сарматы; и, не возвратив его римлянам, подчинил его своей власти»* [Iord. Get. 282]. Можно предположить, что сарматы Бабая владели Сингидуном отнюдь не по праву первостроителей и вряд ли их значительные контингенты проживали в этом населенном пункте. Зависимость Сингидуна от сарматов имела прежде всего политический характер и обеспечивалась правом силы, которое от византийцев перешло к языгам, а затем к остроготам. Механизм

распространения военно-политического протектората над крупными стратегическими или торгово-ремесленными центрами Подунавья, который реализовывали языги во второй половине V в. н.э., был в главных своих чертах точно таким же и в более ранние хронологические периоды.

Вопрос о времени прихода сарматов-языгов в междуречье Дуная и Тисы до сих пор остается дискуссионным. М. Пардуч в своей фундаментальной работе собрал сарматские древности Венгрии из более чем 450 пунктов, однако не смог предложить бесспорного археологического критерия, с помощью которого можно было бы уверенно идентифицировать памятники языгов-переселенцев первой половины I в. н.э. (Parducz, 1941; 1944; 1946-48; 1950). Тем не менее в венгерской истории возобладало мнение о раннем (20-е годы I в. н.э.) переселении языгов в степи Большой Венгерской низменности. Предполагается, что по инициативе Рима у западных границ воинственных даков было создано языгское «буферное» государство, которое в разные периоды истории было то союзником, то противником Римской империи (Мочи, 1954; Mócsy, 1974; Parducz, 1971). В целом, по мнению венгерских исследователей, сарматы-языги, пришедшие в Альфёльд в начале I в. н.э., были относительно немногочисленны. Они застали в пуште кельтское и дакийское население, которое частично покорили, частично вытеснили в Карпаты [Plin. Nat. 4,80]. Памятники сарматов первого периода их переселения (20-160 гг.) это грунтовые могилы с небогатым инвентарем погребений, изредка – короткими железными мечами. Второй период сарматского освоения Альфёльда (161-260 гг.) отличается уже бóльшим разнообразием памятников. Археологическим индикатором этого периода, помимо прочего, является так называемый комплекс «пастушьей сумки»: железный нож, оселок, кремь, кресало. Социальная стратификация сарматского общества в этом периоде более осязаема: возникает группа подкурганых погребений, отличающаяся богатым инвентарем, оружием и погребением коней.

Версия о раннем приходе языгов в Альфёльд вызывает ряд критических замечаний, авторы которых склонны связывать появление здесь языгов с их службой в коннице царства Ванния в 49-50 гг. I в. н.э. (Toth, Vekony, 1970; Щукин, 1994. С.223-224). Однако жесткая хронологическая привязка военной службы языгов у Ванния в конце царствования последнего не может быть принята безоговорочно. Тацит сообщает, что царь квадов Ванний пришел к власти в 20 г. н.э. и только через 30 лет в 50г. н.э. был свергнут восставшими подданными [Tac. Ann. XII. 29,30]. Следовательно, служба языгов у Ванния могла начаться в любой период указанного тридцатилетия, тем паче, что некоторые данные источников указывают даже на более раннее появление сарматов в Карпатском бассейне (Mócsy, 1970. S.26). Проблема осложняется наличием так называемой «загадки первого поколения» языгов на территории Альфёльда, поскольку известный здесь античным источникам уже в первой половине I в. н.э. этот кочевой народ археологически датируется временем не ранее конца I в. н.э., причем, как ни странно, преимущественно женскими комплексами (Vadau, 1984;

Иштванович, Кульчар, 2000. С.205 сл.). Видимо следует согласиться с А.Н. Дзиговским, полагающим, что отсутствие надежно датированных сарматских комплексов первой половины I в. н.э. в Буджаке, Запрутской Молдове и Добрудже, в Мунтении, позволяет видеть в сарматах, опустошавших Мезию в конце правления Тиберия [Suet. Tib. 41], еще языгов Верхнего и Среднего Поднепровья, предков которых отмечал ссыльный поэт Овидий Назон в своих посланиях с Понта (Дзиговский, 2003. С.86). Существенная концентрация языгских древностей рубежа эр – первой половины I в. н.э. в Верхнем и Среднем Поднепровье, и отсутствие таковых в более южных и юго-западных районах, достаточно определенно указывает на маршрут переселения этих сарматов в междуречье Дуная и Тисы – через перевалы Северо-Восточных Карпат и Верхнее Потисье.

С историко-этнологической точки зрения, означенная разница во взглядах исследователей на хронологический рубеж первой миграции языгов на запад в тридцать лет (между 20-ми и 40-ми годами I в. н.э.), хотя и заметна, однако не меняет этнополитической сущности прибытия языгов в Альфёльд. И в случае гипотетического приглашения народа языгов Римской империей, и в случае достоверно известного приглашения конницы языгов царем Ваннием международная стратегическая роль этих иранских кочевников все та же: это сарматский военно-политический заслон на пути перемещения агрессивных фракийских и германских племен к берегам Дуная. С обретением этой важнейшей геополитической роли сарматы-языги становятся существенным элементом геополитического баланса сил в Европе и, как следствие, выходят из тени Истории, в которой они находились, невзирая на какое-то участие в политических эпопеях Митридата Евпатора и царя даков Бурбисты.

Версия венгерской историографии о языгском «буферном» государстве не имеет прямого подтверждения в источниках, но находит свое косвенное обоснование в информации античной традиции о резком усилении римско-дакийского противоборства в конце правления императора Августа. Последовавшие при этом императоре военные экспедиции римлян должны были усмирить воинственных даков на левом берегу Дуная, чтобы обезопасить тем самым правобережные провинции Рима. Превентивные удары римских войск не имели, видимо, общей антидакийской направленности, но преследовали цель военного сокрушения отдельных дакийских племен. В таком ключе можно истолковать свидетельство Светония о том, что Август *«положил конец набегам дакийцев, перебив трех вождей их с огромным войском»* [Suet. Aug. 21]. Вряд ли это усмирение даков было долговременным политическим явлением, поскольку Флор сообщает о набеге даков Котизона (союзника Августа, погибшего затем в одной из внутриплеменных стычек) через замерзший Дунай [Flor. II. XXVIII. 18-19]. Флор упоминает также о миссии наместника Иллирии Гнея Корнелия Лентула, который построил укрепления на правом берегу Дуная. Миссия Лентула имела, таким образом, очевидную антидакийскую направленность и состояла в том, чтобы полностью вытеснить даков с

правого берега Дуная, укрепив этот естественный водный рубеж линией римских сторожевых постов (*praesidia*). Датировка этих событий вряд ли может быть установлена точно, однако скорее всего поход Лентула против даков состоялся в самом конце правления Августа в период 10-12 гг. н.э.

О войнах римлян с даками во время правления Августа повествует и известный элогий наместника Иллирика Марка Виниция из Тускула. Вряд ли имеет смысл обсуждать здесь многочисленные версии антиковедов о личности наместника, дате его похода за Дунай, этногеографическом порядке названных в надписи племен и т.п. Нас больше интересует сам факт эскалации военного противоборства Рима с миром варварских племен левобережья Дуная, возглавляемых даками: *«Марк Виниций, сын Публия, консул, квиндецемвир, претор, квестор, наместник в ранге пропретора Августа Цезаря в Иллирике, будучи послан за Дунай, разбил войско даков и бастарнов, усмирил котинов, озов, таврисков и анартов, заставив эти племена признать власть Римского народа и Августа Цезаря»* (Dobó, 1975. N 489). Хронология этого похода в принципе не вызывает разногласий: он был совершен в 10-9 гг. до н.э. либо с юго-востока Паннонии, либо с территории Верхней Мезии (Колосовская, 2000. С.59. Прим. 55).

Страбон сообщает о другой военной экспедиции против даков, упоминая о сборе на реке Марисос (совр. Муреш) римского войска. Хронология этого события, равно как и его результат, неясны, однако из общего контекста можно понять, что этот рейд римлян за Дунай был совершен уже после исполнения Гнеем Лентулом своей миссии [Strabo. VII. 3,13]. По мнению специалистов, достигнуть р. Марисос было возможно лишь в том случае, если римское войско имело опору в базах оперативного развертывания на правом берегу Дуная, который лишь со времени миссии Лентула в какой-то своей части принадлежал римлянам и был укреплен оборонительными сооружениями (Patsch, 1932. S.103-108; Mócsy, 1962. S. 532, 543-544).

Таким образом, не вызывает сомнений факт, что даки были одним из наиболее враждебных Риму народов, причем племенем политически зрелым, а в военном отношении – высокоорганизованным. Отнюдь не случайно проницательный Гай Юлий Цезарь планировал совершить против них широкомасштабный военный поход, когда по закону Ватиния 54 г. до н.э. ему были определены для консульства на пятилетний срок провинции Цизальпийская Галлия и Иллирик с тремя легионами [Strabo. VII. 3,5; 11; Suet. Caes. 44; Aug. 8; Vell. Pat. II. 59; Liv. Per. 117; App. Illyr. 13]. Цезарь не ошибся в своих предчувствиях, поскольку усиление Бурбисты, его походы против иллирийских племен и греческих городов Причерноморья уже прямо затрагивали интересы римлян. Как известно, даки считали область бассейна Тисы своей землей [Strabo. VII. 5,2], а в намерение Бурбисты входило утвердиться на правом берегу Дуная в районе, примыкающем к устью Тисы. Более того, на какой-то период времени дакам удалось распространить свое господство на оба берега Дуная, что подтверждается археологическими материалами. Дакийская керамика и монеты времени Бурбисты находят в

обширном районе от Будапешта до современной южной Словакии. Наследственным владением Буребисты была территория нынешнего Баната, где располагалась его столица Аргедава (Арцидава, совр. Вередия) [Ptol. Geogr. III. 8.4]. Именно отсюда он совершал во главе гето-дакийского войска опустошительные походы на запад и восток Балканского полуострова.

Циркумдунайская деятельность Буребисты (60-40-е годы I в. до н.э.) пресеклась в результате дакийских межплеменных распрей. Вскоре погиб и сам Буребиста. Экспансия даков, устремившихся не только в пределы греческих городов Западного Понта, но и в западные области Иллирика, непосредственно граничащие с римскими провинциями, временно прекратились. Рим в полной мере воспользовался этой этнополитической передышкой и к концу правления Августа прочно утвердился на правом берегу Дуная. Однако представление о подспудно зреющей дакийской угрозе стало одной из незыблемых основ римского политического сознания, в конечном итоге разрешившегося при Траяне реализацией идеи тотальной войны с даками (101-102 и 105-106 г. н.э.). Возможно, что в конце правления Августа или в самом начале императорства Тиберия в рамках превентивных мероприятий против даков был реализован замысел по созданию «буферного» государства языгов в междуречье Дуная и Тисы. Этнополитически иранцы-языги идеально подходили для миссии римского «оборонительного щита» на Дунае, поскольку переселившись в Альфельд, они немедленно оказывались в окружении этнически чуждых им фракийских и германских племен. Римляне несомненно учитывали и существование исторически сложившейся этнической вражды между языгами и даками, нашедшей отражение в трактате Плиния [Plin. Nat. 4,80]. В дальнейшем эта вражда закономерно привела к антисарматской политической линии Децебала и, как следствие, к участию конницы языгов в войне с даками на стороне Траяна [Dio Cass. 68. 10. 3].

Если римляне действительно имели план создания на западных границах Дакии «буферного» государства сарматов-языгов, то его реализация происходила, видимо, по той же политической схеме, как и создание государства Ванния, причем примерно в то же самое время (20-е годы I в. н.э.). Результатом этого процесса должна была стать более-менее продолжительная стабилизация военно-политической обстановки на дунайском рубеже Империи. И действительно, некоторая стабилизация обстановки на придунайских территориях, явно наметившаяся уже в конце правления Августа, в начале императорства Тиберия (14-37 гг. н.э.) стала свершившимся политическим фактом. Стратегическими последствиями этой стабилизации несомненно является и учреждение при Тиберии новой придунайской провинции Мезия, и переход Одрисского царства, после изгнания Рескупорида, под фактическую юрисдикцию Рима (Карышковский, Клейман, 1985. С.84). И лишь стагнация римской политической воли во второй половине правления Тиберия, политические последствия его мрачного «отшельничества» на острове Капри привели к нарушению римско-варварского паритета сил на Дунае. Результатом забвения Тиберием «дел

государственных» стал новый виток эскалации борьбы за обладание правобережьем этой реки, завершившейся на начальном этапе фактическим захватом Мезии даками и сарматами [Suet. Tib. 41].

Следующий эпизод этнополитической истории сарматов-языгов связан с их участием в обороне царства квадов Ванния против нашествия восточногерманских племен лугиев и гермундуrow. «Буферное» государство Ванния, созданное политической волей Рима, располагалось на левом берегу Дуная напротив Паннонских зимних стоянок Карнунта, смыкаясь на юго-востоке с этническим ареалом языгов Альфёльда. Эти события подробно описаны Тацитом.

«... Тогда же [50-51 гг. н.э. – Н.Л.] свевы изгнали Ванния, которого поставил над ними царем [около 20 г. н.э. – Н.Л.] Цезарь Друз; вначале хорошо принятый соплеменниками и прославляемый ими, а затем вследствие долговременной привычки к владычеству, вставший в надменность, он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавил царь гермундуrow Вибиллий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон. Несмотря на неоднократные просьбы Ванния о поддержке, Клавдий не вмешался силой оружия в усобицы варваров, но обещал Ваннию надежное убежище, если он будет изгнан из своего царства, а вместе с тем, написал правившему тогда Паннонией Палпелию Гистру, чтобы он выставил вдоль Дуная один легион и набранные в той же провинции отряды вспомогательных войск для оказания помощи побежденным и устрашения победителей, если подстрекаемые удачей, они попытаются нарушить мир и в наших владениях. Ведь надвигалась несметная сила – лугии и другие народности, привлеченные слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственная, конница из сарматского племени языгов, и поскольку его войска уступали в численности вражеским полчищам, он решил уклоняться от открытого боя и отсиживаться за стенами укрепления» [Tac. Ann. XII. 29,30].

Тактика затворничества за крепостными стенами не принесла Ваннию желанной победы. Конница языгов не могла длительное время находиться в осаде. Понимая это, языги попытались уйти, но были настигнуты лугиями и гермундурами. Разгорелась битва и Ванний показал себя достойным союзником: увидев сражающихся языгов, он немедленно выступил из крепости и вступил в бой. Несмотря на неравенство сил, он бросился в рукопашную схватку, был в ней изранен, но не обратился в бегство. Возможно это обстоятельство и спасло ему жизнь: отсутствие паники в рядах обороняющихся позволило Ваннию и его союзникам планомерно отступить к поджидавшему на Дунае римскому флоту. Здесь свергнутый конунг, вместе со своими соратниками, сумел погрузиться на корабли и переправился на безопасное римское правобережье. Впоследствии как давнему союзнику римского народа ему были отведены земли в Паннонии. *«Царство Ванния, –*

завершает свое повествование Тацит, – *поделили между собой Вангион и Сидон, соблюдавшие по отношению к нам [т.е. к римлянам – Н.Л.] безупречную честность*» [Тас. Ann. XII. 30].

Политический крах Ванния (точнее – замена этого непопулярного конунга на более авторитетных этнических лидеров) являлся, конечно, всего лишь эпизодом внутриэтнической борьбы, но отнюдь не актом неповиновения Риму. Квады – западногерманское племя, ветвь племени свевов, сменили собственную этническую иерархию и нежелание императора Клавдия открыто вмешиваться в конфликт Ванния и его племянников свидетельствует о том, что имперскому кабинету было совершенно безразлично: какое именно политическое лицо будет представлять племя свевов. Римлян в первую очередь интересовала только лояльность свевов, неотделимая от исполнения последними роли буферного этноса на дунайской границе империи. Подобная разумная этническая политика приносила свои плоды. Царь свевов Сидон, один из тех политических персонажей, что разделили наследство Ванния остался до конца верен Риму. Вместе с неким Италиком он командовал конницей в битве за Кремону [Тас. Hist. III. 5; 11]. В этой гражданской войне Рима участвовали и вожди сарматского племени языгов – вчерашние противники превратились в союзников по оружию [Тас. Hist. III. 5]. Вообще можно с достаточной уверенностью утверждать, что сарматы-языги в первой половине I в. н.э. были включены имперским кабинетом Рима в ближний круг варварских племен, в круг тех, кто являлся скорее союзником, нежели потенциальным противником. Помимо сарматов в этот круг несомненно входили свевы и гермундуры – племена, устойчиво соблюдающие политическую лояльность по отношению к Риму [Тас. Hist. III. 5; 21; Ann. XII. 30; Germ. 41].

Период правления Флавиев отмечен новой активностью задунайских варварских племен и, вместе с тем, решительными контрмерами Рима против них. К этому времени относится надпись с упоминанием наместника Паннонии Тампия Флавиана, а также императора Веспасиана. Речь идет о заложниках, полученных римлянами от знати задунайских племен [Dobó. 1975. N 593]. Примененный здесь термин *Transdanuviani* охватывает, вероятно, достаточно широкий круг варваров, а из племен ближнего круга специально выделены свевы и языги. С военно-политической точки зрения эти племена вновь выступают в качестве военных союзников Рима, поскольку именно от языгов и свевов наместник Паннонии получил конные и пешие войска, переданные в распоряжение римлян в знак дружеского расположения. За успешное ведение этнополитической линии Рима в Паннонии, Тампий Флавиан получил от сената, по предложению императора Веспасиана, отличие триумфатора.

В конце I в. н.э. межэтнические взаимоотношения римлян с сарматами-языгами, прежде дружественные и союзнические, впервые перешли в поле открытого вооруженного конфликта. Непосредственной причиной этого стали грубые просчеты внешнеполитического кабинета Домициана, отменившего денежные субсидии, которые Рим выплачивал дакам [Jord. Get.

76]. В ответ даки расторгли союз, который был заключен в правление других императоров (вероятно, в период власти Веспасиана) и отказали в помощи римлянам в начавшейся войне с племенами маркоманнов и квадов. Возможно, что вооруженный конфликт с последними также возник по причине прекращения денежных выплат за исполнение квадами функции буферного дружественного племени, закрывавшего от варварского Востока придунайские рубежи Империи. Известно, что кабинет Домициана испытывал значительные финансовые затруднения, которые пытались компенсировать даже за счет уменьшения расходов на содержание армии [Suet. Dom. 12]. Известно и то, что с племенами макроманнов и квадов какое-то время шли переговоры, не увенчавшиеся успехом. Вспыльчивый Домициан казнил послов этих племен, хотя главной целью их миссии было заключение мирного договора с Римской Империей [Dio Cass. 67.7.1]. В результате всех этих конвульсивных действий римской администрации началась война, определяемая в источниках как *bellum Macromannorum, Quadorum, Sarmatarum* (Dobó, 1975. N 502). Можно предположить, что языги вступили в борьбу с Римом прежде всего как давние союзники квадов. Военный вклад языгов в успешные боевые действия варварской коалиции оказался очень весомым: в борьбе с ними погиб, вместе с легатом, один из лучших легионов Империи – XXI Хищный легион, прибывший в Паннонию с Рейна [Suet. Dom. 6; Tac. Agr. 41; Eutrop. VII. 23].

Финальная победа Рима в этой войне, помимо объективных причин социально-экономического характера, была predeterminedена сепаратистской политикой царя даков Децебала, опасавшегося усилившейся военной мощи германо-сарматской коалиции. Децебал заключил с римлянами сепаратный мирный договор, согласно которому римляне обязались выплачивать дакам ежегодные денежные субсидии. Для укрепления дакийских оборонительных сооружений Рим предоставил военных инженеров и ремесленников. Со своей стороны даки гарантировали военную безопасность на дунайских границах Рима, возвращали пленных и часть оружия. Так как римляне продолжили свою войну с германо-сарматской коалицией, Децебал обеспечил свободный проход римской армии через свое царство с целью нанести удар с тыла по войскам макроманнов и квадов [Dio Cass. 67.7.2-3; Martial. V. 3; VI. 10.7].

Военная история языгов первой половины II в. н.э. также богата событиями. Первая Дакийская война императора Траяна, начавшаяся 25 марта 101 г. н.э., потребовала концентрации всех военных сил Империи. В разные периоды военных действий в них участвовало до 14 легионов римских регулярных войск, переброшенных к Дунаю из Паннонии, Верхней и Нижней Мезии, Верхней Германии и Британии. В кавалерийские формирования, помимо собственных римских 24 конных ал, вошли берберские всадники из Мавретании, астурийские конные лучники (Испания), а также вспомогательные конные соединения языгов [Dio Cass. 68.10.3]. Как известно, Первая Дакийская война окончилась для Децебала крайне неудачно. По условиям мирного договора с Римом даки обязывались выдать оружие, пленных и военное снаряжение, а также мастеров по

постройке крепостей и всех римских перебежчиков. Крепости даков должны были быть разрушены, а со всей захваченной римлянами дакийской территории (современный Банат и Олтения) должно было быть изгнано дакийское население. Даки обязывались следовать в русле римской внешней политики, не принимать римских перебежчиков и поставлять Риму вспомогательные войска, т.е. выполнять все внешнеполитические обязанности, которые ранее были возложены на соседние с даками «буферные» государства квадов, маркоманнов и языгов.

Децебал, царь даков, был слишком крупной политической фигурой, чтобы безропотно выполнять столь драконовские условия мирного договора. Он методично готовился к следующему этапу военного противостояния с Траяном. Даки продолжали вооружаться, принимали в своих военных лагерях римских перебежчиков, укрепляли форты и крепости [Dio Cass. 68.10.3; Zonar. XI.21]. Понимая, что в одиночном столкновении войско даков неизбежно будет раздавлено римской военной машиной, Децебал пытался создать широкую антиримскую коалицию соседних варварских народов. Пытаясь вовлечь соседние племена в политический союз с даками, Децебал предпринимал не только дипломатические, но и военные усилия.

В отношении сарматов-языгов Децебал и его военное окружение пытались проводить политику «жесткой руки»: даки создали непроницаемый военный барьер на путях контактов языгов с Причерноморьем, т.е. в первую очередь с роксоланами. Разорвав традиционные военно-политические связи этих сармато-аланских племен, даки существенно понизили их совокупный наступательный потенциал. Следующим антисарматским политическим шагом Децебала стал захват значительной части земель языгов в Банате. Однако этот военный демарш царя даков оказался чреват политической катастрофой. Племя языгов состояло в клиентских отношениях с Римом, а потому захват их земель послужил для римского сената удобным поводом, чтобы немедленно объявить Децебалу новую войну [Dio Cass. 68.10.3-4]. По-видимому, языги помогали римлянам своими конными контингентами и во Второй Дакийской войне (105-106 гг.) – иначе трудно объяснить: зачем Траян пообещал после победы над Децебалом вернуть им все отторгнутые даками земли. Римляне не выполнили этого обещания, и вскоре после завоевания Дакии отношения между ними и языгами приняли враждебный характер.

Языги начали военные действия против Рима зимой 107-108 г. Повод был очевиден: Рим не вернул им земли, которые у языгов ранее захватили даки и о возврате которых они просили Траяна [Dio Cass. 68.10.3]. О ходе этой сармато-латинской войны известно немного. Языги атаковали сразу обе придунайские провинции: Нижнюю Паннонию и юго-западные регионы Дакии (Balla, 1969. P.111-113). Вначале сарматам сопутствовал успех: в контексте «Historia Augusta» именно так можно понять фразу о миссии легата Нижней Паннонии Адриана (будущего императора) – *«там он укротил сарматов, поддержал военную дисциплину»* [SHA: Hadr.II.9]. Однако затем римские войска под командованием Адриана сумели переломить ситуацию и

языги были разбиты (Mócsy, 1962. Col. 553; Dobó, 1968. S. 43-44). Аннексия Римом земель языгов, равно как и военные методы принуждения их к лояльности в конечном итоге оказались пирровой победой. С окончанием Второй Дакийской войны языги все менее напоминают бывшее «клиентское» племя Рима, на безупречную верность которого римляне могли всегда рассчитывать. Напротив, это сарматское племя все чаще пополняет список подчеркнуто враждебных Риму народов, а их конные турмы все чаще оправляются военными рейдами по латинскому пограничью.

Новые военные акции иранских кочевников были предприняты и на западе, и на востоке Дакии в 117-119 гг. Военные усилия языгов на этот раз активно поддержали их давние союзники – роксоланы. Этнополитическая обстановка на Дунае стала настолько напряженной, что потребовались свежие войска и личное вмешательство императора Адриана в этот новый сармато-латинский конфликт: «...Услыхав о беспорядках, произведенных сарматами и роксоланами, он, отправив вперед войска, сам устремился в Мезию» [SHA: Hadr. VI. 6]. В числе чрезвычайных мер этого периода следует отметить назначение известного военачальника Квинта Марция Турбона на должность наместника одновременно двух провинций – Нижней Паннонии и Дакии. Несмотря на значительные военные заслуги Турбона (он воевал в Паннонии, участвовал в Парфянской войне Траяна, успешно подавил антиримские мятежи в Кирене и Египте), назначение этого человека наместником двух провинций стало мерой экстраординарной. Дело в том, что Турбон был представителем всаднического сословия, а пост наместника провинции всегда требовал сенаторского ранга. Однако в данном случае Адриан пошел на нарушение всех регламентов, ибо требовалось грамотными военными мерами срочно восстановить политическое *status quo* в провинциях, вытеснив оттуда войска языгов и роксолан. По окончании войны заслуги Турбона были увековечены в двух конных статуях этого полководца, в его честь были написаны почетные декреты (Колосовская, 2000. С.101).

Языги, несмотря на временный успех миссии Турбона, тем не менее не смирились с потерей родовых земель и вплоть до 132 г. на дунайском лимесе Рима тлели уголья их этнического восстания. Лишь в 132 г. они направили свое посольство в римский сенат, которое просило подтвердить условия мира [Dio Cass. 69. 15.2]. Замирение языгов, возможно, имело свою первопричину в политической позиции роксоланов. Как раз около этого времени роксоланы временно прекращают свои военные рейды на территорию Империи, поскольку Адриан, после переговоров с царем роксоланов, восстановил прежний объем выплачиваемых им денежных субсидий, т.е. фактически узаконил даннические обязательства Рима перед этими кочевниками [SHA: Hadr. VI. 8].

Этнические противоречия на дунайском лимесе Рима, вызванные ошибками правления Домициана и еще более усилившиеся после завоевания римлянами Дакии, привели во второй половине II в. н.э. к тотальному кризису Маркоманнских войн (166-180 гг. н.э.). Социальные невзгоды этой

военной эпопеи были столь тяжелы для Рима, что Евтропий с полным основанием сравнивал время Маркоманнских войн с эпохой Пунических войн Ганнибала [Eutrop. VIII. 12]. Маркоманны – германское племя, ветвь племени свевов, которые начали свой натиск на территорию Империи, стали лишь первой глыбой, сорвавшей вниз страшную лавину множества варварских племен, обрушившихся на Норик, обе Паннонии и Дакию. Впечатляет уже сам список этих племен, приведенный в «Historia Augusta»: *«Все племена от пределов Иллирика до Галлии объединились; это были маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свевы, сарматы, лакринги и буреи ...эти и другие, вместе с виктуалами, созибы, сикоботы, роксоланы, бастерны, аланы, невкины, костобоки»* [SHA: Marci. XXII. 1]. К этому списку Евтропий и Дион Кассий добавляют еще вандалов, лангобардов и обиев, последние два племени вошли в боевое соприкосновение с римскими войсками несколько ранее других племен [Eutrop. VIII. 13.1; Dio Cass. 71. 3.1].

Нашествие варварских племен на дунайскую границу началось в 166 г., когда значительная часть римских военных сил была задействована в парфянской кампании Луция Вера [SHA: Marci. VIII. 9; 12]. Парфянская война ослабила даже дунайский лимес, ибо отсюда был перебросен на восток весь II Вспомогательный легион, постоянно расквартированный в Паннонии, а также вексилляции других дунайских легионов. Военные рейды варваров, отраженные в 166 г. силами наместников провинций, продолжились и в следующем году. В 167 г. началось вторжение шеститысячного войска лангобардов и обиев на лимес Верхней Паннонии [Dio Cass. 71. 3.1a.]. Это вторжение было отбито конной вспомогательной алой, стоявшей на лимесе в Арабоне (Fitz, 1959. S. 61-62).

Первоначальный успех римлян не имел каких-либо существенных стратегических последствий: в последующие годы дунайская граница подверглась нападению варваров едва ли не одновременно в нескольких пунктах. Маркоманны и квады прорвали лимес Норика и Верхней Паннонии; они дошли до Аквилеи, сожгли Опитергий и угрожали Вероне [Dio Cass. 71. 3.2; Lucian. Pseudom. 48; Amm. Marc. XXIX. 6.1]. Нападения последовали со стороны буров, обитавших на Верхней Тисе. Роксоланы штурмовали территорию Дакии с востока. Войны славянского племени костобоков с боями прошли через всю территорию Дакии, вторглись в правобережье провинции и достигли в 170 г. Греции, где захватили и разрушили знаменитое святилище Деметры, построенное еще при Перикле. Сокрушительный военный рейд костобоков буквально потряс римское политическое сознание: в срочном порядке в глубоком тылу Империи были сооружены военные укрепления для защиты Италии и Альпийских проходов. Было предпринято строительство системы укреплений от предгорий Альп до Черного моря, обнесены стенами и башнями города внутренних провинций Далмации и Фракии (Кудрявцев, 1950. С.92; 1954. С.245-271). В Италии, не знавшей уже сотню лет воинского набора, было сформировано два новых легиона (II Pia и III Concers), получивших потом название II и III Итальянских.

Они были направлены на дунайский фронт, а по окончании военных действий размещены в Реции и Норике. В Риме стали набирать в армию рабов и гладиаторов, а также более-менее романизованных варваров. Император Марк Аврелий явил пример высокой патриотической доблести: золотые сосуды императорского дворца были переплавлены в золотую монету, с аукциона проданы картины, статуи и драгоценности императрицы [SHA: Marci. XVII. 4-5; XXI. 6-9].

Интенсивные военные действия привели к сильному опустошению дунайских провинций Рима. Были разрушены и сожжены даже такие крупные города на дунайском лимесе, как Виндобона, Бригецион и Аквинк. Армейские стационарные лагеря большей частью были уничтожены. Так, лагерь Интерцизы (совр. Дунауйварош) был полностью сожжен, а гарнизон лагеря – Первая Альпийская конная когорта – уничтожен. Верхнепаннонская армия, составленная из вексилляций нескольких легионов общей численностью в 20 тыс. человек, была наголову разгромлена в нескольких сражениях. В одной из битв погиб легат XIV легиона, расквартированного в Карнунте, который одновременно исполнял обязанности наместника провинции (Dobó, 1968. S.65-67).

Ираноязычные кочевники, хотя и не составляли большинства в воинских контингентах варваров периода Маркоманнских войн (большинство принадлежало германцам), тем не менее приняли самое активное участие в этой военной эпопее. Так, например, славяне-костобоки вторглись в пределы Империи не одни, а в союзе с племенами роксоланов, аланов, бастарнов и певкинов (последние, вероятно, также принадлежали к союзу бастарнских племен)⁷². Сарматы-языги методично опустошали Дакию и Нижнюю Паннонию. По давней политической традиции они действовали в тесном военно-политическом союзе с племенем квадов, по крайней мере с той его частью, которая управлялась царем Ариогезом, последовательным врагом римлян [Dio Cass. 71.11.1-5; 71.13.1-4; 71.14]. По-видимому, именно квады поставляли языгам вспомогательные пехотные контингенты. Ведущая роль языгов в военной коалиции с квадами становится очевидной при оценке результативности боевых действий обоих племен. Так, при заключении мирного договора с Римом (при императоре Марке Аврелии, в конце второй фазы Маркоманнских войн) квады вернули 50 тыс. римских пленных, а языги – 100 тысяч, не считая тех римских граждан, которые погибли в плену, были проданы в рабство или бежали [Dio Cass. 73.13.4; 16.2].

Результативные вторжения сармато-германской коалиции в провинции Дакии и Верхней Мезии создали здесь для римлян крайне тяжелую военно-политическую обстановку. Пытаясь вернуть Риму политический контроль над указанными провинциями, император Марк Аврелий назначил наместником Дакии опытного полководца, своего ближайшего сподвижника Марка Клавдия Фронтана. Этот военачальник взял в свои руки бразды правления сразу четырех придунайских провинций, что являлось, конечно, экстраординарной мерой. Целесообразность этого непростого решения Марка Аврелия диктовала тяжелая война: только через верховное управление

провинциями Марк Фронтон мог объединить в единый военный кулак все воинские контингенты придунайских территорий (Mócsy, 1974. P.187-188). В качестве главнокомандующего придунайской римской армией Марк К. Фронтон выдержал несколько крупных сражений с сармато-германской коалицией. Ожесточенность боев была очень велика. Вот как описывает одно из сражений этой войны Дион Кассий:

«Тогда римляне победили языгов и на земле, и на воде. Я не говорю, что произошло нечто вроде морского сражения, но римляне преследовали языгов, бегущих через замерзший Дунай, и сражались на реке, как бы на твердой земле. Языги же, увидев, что римляне их преследуют, остановились, надеясь легко опрокинуть римлян, как непривычных к битве на льду. И одни из варваров стремительно бросились на них; другие верхом на конях окружали их с флангов, ибо кони языгов приучены скакать в такого рода условиях. Римляне, видя это, не испугались, но сомкнулись и обратились лицом к врагу, многие из них сняли щиты и опираясь на них одной ногой, чтобы не скользить, приняли нападающих. И римляне хватали одних за уздечки, других – за щиты, третьих – за копыта и притягивали к себе. Вступив в рукопашный бой, римляне опрокидывали и людей и лошадей. Варвары не могли удержаться в седле, падали и скользили. Римляне также скользили. Но если кто из них падал навзничь, он тянул на себя своего противника с коня, вниз, поверх себя, и затем своими ногами сильно толкал его обратно, как в спортивной борьбе, и таким образом садился на него верхом. Если кто из римлян падал на лицо, то он хватал зубами своего противника, который упал раньше. Так как варвары были непривычны к такого рода сражениям и имели более легкое оружие, они были не в состоянии сопротивляться, так что только немногие из них избежали плена» [Dio Cass. 71. 7.1-5].

Это сражение римляне выиграли, главным образом, за счет своей очень хорошей строевой подготовки, позволившей им стойко выдержать фланговые удары сарматов. Однако военное счастье переменчиво, и вскоре Марк К. Фронтон погиб в одной из битв. В надписи из Рима, поставленной в честь Фронтонна, сказано, что *«после нескольких удачных сражений против германцев и сарматов, он пал в битве за государство, храбро сражаясь до последнего»* (Цит. по: Колосовская, 2000. С.112).

Гибель Марка К. Фронтонна произошла в 170 г. В связи с его гибелью положение римлян в Дакии настолько осложнилось, что потребовалось личное прибытие сюда императора Марка Аврелия вместе со свежим экспедиционным корпусом (Balla, 1971. P.74-75). По итогам этой военной экспедиции в Риме в честь императора была поставлена почетная надпись [CIL. III. 7969], свидетельствующая о тяжелом положении провинции и самой столицы. Как полагают специалисты, именно в это время Марком Аврелием могла быть впервые высказана мысль об уходе римлян с дакийских территорий и ликвидации провинции Дакия (Balla, 1976. P.189).

Как уже отмечалось, успешное завершение как первой (166-175 гг.), так и второй (176/177-180 гг.) фазы Маркоманнских войн потребовало от Рима

мобилизации всех социально-экономических ресурсов государства. Финальная победа римлян во многом была предопределена гораздо более развитой социальной структурой латинского общества, отличной оперативно-тактической подготовкой и образцовой дисциплиной римской армии. Действия племен варваров, сражавшихся с Римом, в политическом плане оказались разобщены, между ними зачастую шла весьма сильная межплеменная борьба. Так воинственное и многочисленное племя буров приняло участие в войне на стороне римлян, так как боялось военно-политического усиления союза языгов и квадов [Dio Cass. 71.18]. Фактически каждое враждебное Риму племя сражалось поодиночке и так же поодиночке побеждалось. За четырнадцатилетний период Маркоманнских войн варварами была создана только одна прочная военно-политическая коалиция: союз языгов и квадов.

Усиление военного прессинга Рима, частые поражения на полях битв, истощение людских и материальных ресурсов подрывали этническое единство сражающихся варварских племен. Внутри племени квадов, например, сложились две противоборствующие группировки. Часть квадской политической элиты ориентировалась на Рим и выдвинула из своей среды царя Фурция. Однако другая часть элиты, враждебная Риму, свергла Фурция и возвела на престол царя Ариогеза, который был последовательным противником римлян. Две антагонистические «партии» были и у языгов. Когда тяжесть войны с римлянами стала уже непереносимой, языги выдвинули из своей среды царя Зантика, который немедленно отправился к Марку Аврелию во главе представительного посольства. Языги просили Рим заключить с ними мирный договор. В это время вождь антиримской «партии», царь Банадасп, был посажен под стражу, вероятно во избежание каких-либо эксцессов на языго-римской границе, которые могли поставить под сомнение успех посольства [Dio Cass. 71. 16. 1-2].

Условия мирных договоров, заключенных Римом с племенами языгов и квадов, были не слишком суровыми. Администрация Марка Аврелия, видимо, опасалась выставлять к побежденным очень жесткие требования. Это могло подвигнуть последних на продолжение сопротивления, чего римляне, конечно, хотели бы избежать. Всем варварам было запрещено селиться и пасти скот в пограничной полосе за Дунаем, на расстоянии 76 стадиев. Впоследствии эта полоса была сокращена до 38 стадиев (7,5 км). Судам языгов запрещалось плавать по Дунаю. Они не могли селиться на островах этой реки. Квады могли проводить собрания своего племени не чаще одного раза в месяц, но только в определенном месте и в присутствии римского центуриона. Языгам такие собрания были вовсе запрещены. Им также фактически было запрещено торговать с жителями римских провинций, поскольку для них не были установлены дни торговли, в которые языги могли бы переходить на римский берег Дуная (Колосовская, 2000. С.116). Нетрудно заметить, что условия мирного договора римлян с языгами были несколько жестче, нежели для квадов. Единственная политически важная позиция, которую языгам удалось отстоять: возможность их

этнических контактов с роксоланами через территорию Дакии. Правда, и здесь римляне постарались сузить диапазон реального применения данной статьи договора: на любой контакт с роксоланами языги должны были всякий раз испрашивать дозволение наместника провинции [Dio Cass. 71. 13. 4; 16; 19.1-2]. Договор Марка Аврелия с языгами и квадами имел и чисто военную составляющую. Языги передавали в римскую армию 8 тыс. конницы (часть ее была послана в Британию), квады – 13 тыс. пехоты. Кроме того, как указывалось выше, квады вернули 50 тыс. римских пленных, а языги – 100 тысяч (в это число, несомненно, входили не только военнопленные, но и гражданские подданные Рима, захваченные кочевниками в ходе боевых действий).

Эпоха Маркоманнских войн завершает по существу событийную канву сарматской военно-политической истории на дунайском лимесе Рима во II в. н.э. Маркоманнские войны убедительно продемонстрировали, что Римская Империя уже исчерпала свой наступательный потенциал. Невзирая на формальную победу римлян в этой четырнадцатилетней войне, варварские племена в геополитическом смысле ни на йоту не отошли от линии Дуная. Языги, например, продолжали полностью контролировать левый берег Дуная от Аквинка до Виминация вплоть до III в., когда сюда переселились роксоланы. Мирный договор Марка Аврелия не ликвидировал потенциальной военной угрозы ни со стороны германских племен, ни со стороны сармато-аланов. Иранская кочевническая составляющая в общем потоке варварских племен, вплотную подступивших к границам Империи, в результате Маркоманнских войн только усилилась. Аланы названы в числе народов, нападавших на Империю во время Маркоманнских войн [SHA: Marcī XVII. 3; XXII.1; Eutrop. VIII. 3; Oros. VII. 15. 8]. Во II-III вв. сарматская угроза представлялась вполне реальной для лимеса Нижней Паннонии и Верхней Мезии, что позднее нашло отражение в названии этого участка границы – *ripa Sarmatica*. На этом рубеже римляне часто воевали с сарматами (языгами) или с другими племенами восточноиранских кочевников, поименованными как «сарматы» [SHA: Trig. tur. IX.1; X.2; XXXIII.1]. Не возникает сомнений, что само название – *ripa Sarmatica* – исторически возникло в качестве указателя на главное направление фронта набегов на Средний Дунай ираноязычных кочевых племен Европейской Сарматии.

Сарматы щедро поливали своей кровью рубеж *ripa Sarmatica*. Центурионы Авидия Кассия перебили три тысячи сарматов, **«беспечно расположившихся на берегах Дуная»** [SHA: Avid. Cass. IV. 6]. Позднее император Проб также победил сарматов, а вместе с ними и другие неизвестные племена [SHA: Probi. XVI.2]. Однако, несмотря на это **«сарматы настолько осмелели после смерти Проба, что грозили вторжением не только в Иллирик, но даже во Фракию и в Италию»** [SHA: Car. Carin. Numer. IX. 4]. Очередную сарматскую угрозу удалось ликвидировать только благодаря инициативным действиям императора Карина, армия которого в упорной кровопролитной битве нанесла тяжкое поражение сарматам, перебив шестнадцать тысяч сарматских воинов и

захватив в плен двадцать тысяч человек обоого пола. Борьба римлян с сарматами во II-IV вв. имела характер не эпизодических сражений, а затяжных военных кампаний и определялась современниками как войны (*bellum Sarmaticum*).

Список литературы

- Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.
- Златковская Т.Д. Мезия в I и II веках нашей эры (к истории Нижнего Дуная в римское время). М., 1951.
- Иштванович Э., Кульчар В. Проблематика «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы конф. Вып. 2. Самара, 2000.
- Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
- Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I-IV вв. н.э. М., 2000.
- Кудрявцев О.В. Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской Империи. // ВДИ. №3. 1950.
- Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке н.э. М., 1954.
- Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.
- Мочи А. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи. // AAASH. IV. 1954.
- Подосинов А.В. Овидий и Причерноморье: опыт источниковедческого анализа поэтического текста. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1983. М., 1984.
- Пуздровский А.Е. Сарматы в Крыму. // Научная конференция «Проблемы истории Крыма». ТД. Вып. I. Симферополь, 1991.
- Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя). // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Скржинская Е.Ч. Комментарий. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
- Смішко М.Ю. Сарматські поховання біля с.Островець, Станіславської області. // МДАПВ. Вип. 4. 1962.
- Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. Владикавказ, 2001.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Sulimirsky T. Sarmatians. New York-Washington, 1970.
- Alföldi A. Die Roxolanen in der Walachei // Bericht über den VI. Intern. Kongress für Archäologie. Budapest, 1939-1940.

- Balla L. Guerre Jazuge aux frontiere de la Dacie en 107/108.//Acta Classica Univ. Scient. Debrecen, 1969.T.V.
- Balla L. Factio in Pertinacem.//Acta Classica Univ. Scient. Debrecen, 1971.T.VII.
- Balla L. Recusantes provinciales in Dacia.//Oikumene. Budapest, 1976.
- Dobó A. Die Verwaltung der romischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus. Budapest, 1968.
- Dobó A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975.
- Fitz J. Der Einfall der Langobarden und Obier in Pannonien im Jahre 166-167 n.u.z.//Acta Arch. XI. 1959.
- Fitz J. Pannonien und Klientel-Staaten an den Donau//Alba Regia. Szekesfehervar, 1963-1964.
- Mócsy A. Pannonia.//RE. Stuttgart, 1962.
- Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970.
- Mócsy A. Die Einwanderung der Iazygen.//Acta Antiqua. XXV. Fasc.1-4. Budapest, 1974.
- Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd I//AH, Bd. XXV. 1941.
- Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd II //AH, Bd. XXVIII. 1944.
- Parducz M. Szarmata temető Hódmezovasarhely-Fehértón//AE. 1946-1948.
- Parducz M. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd III//AH, Bd. XXX. 1950.
- Parducz M. Einige Probleme der Sarmatenforschung des Karpatenbeckens.//Actes du VIII CISPP.T.I. Beograd, 1971.
- Patsch C. Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa: Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanuvien. //SBAW inWien. Philos.-hist. Kl. Wien; Leipzig, 1932.
- Toth E., Vekony G. Zu Pannoniens. Geschichte im Zeitalter des Vespasianus.//AAH. T. 22. 1970.
- Vadau A. Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezocsat-Hörscögös. Mitteilungen des Archäologisches Institut 12/13. 1982-1983. Budapest, 1984.

Summary

Yazygi on the Roman Danube Limes in I-II centuries up to AD.

Lysenko N.N.

This article is devoted to a history of nomad tribes (first of all the Sarmatians) which occupied the western part of a steppe zone of Eurasia, important on the ethno historical and geopolitical consequences, in I-II centuries A.D. The basic plot is revealing a role of the Sarmatian tribe Yazygi on border of Roman empire, their participation in struggle between various barbarous groupings, with Rome and on the side of Rome. Dynamics of these mutual relations from friendly

and allied up to an open confrontation is shown. Together with the Yazygi the author estimates the role of other Sarmatian tribes – Roxolani and Alani, leading up the events till the IV century A.D., and then he comes to a conclusion that character of the struggle between the Romans and the Sarmatians in II-IV A.D. was not incidental battles, but long military campaigns which determined by the contemporaries as wars.